

Увидев, что юный господин увлечён чтением книги и, похоже, вовсе не слышит его, Инь Яньцзюнь сел у края кровати. Его взгляд скользнул к животу юного господина, и он мягко спросил:

— Я только что видел, как ты пару раз почесал живот. У тебя что-то болит?

Сюй Яньцин был полностью поглощён книгой, и почесал живот машинально. Лишь услышав слова даосского наставника, он сосредоточился на ощущениях, потрогал живот, потом недоумённо покачал головой:

— Не чувствую ничего. Я и правда почесал живот?

Инь Яньцзюнь мягко взял его за запястье и привычным движением проверил пульс, успокаиваясь лишь тогда, когда убедился, что всё в порядке.

На самом деле каждое утро и вечер Ци Чэнь в обязательном порядке проверял пульс юного господина. Если бы что-то было не так, он давно бы уже сказал. Просто Инь Яньцзюнь слишком переживал.

— Последние дни молодой господин кажется не таким сонным, как прежде? — Мягкие тёмные волосы юного господина послушно лежали на спине. Инь Яньцзюнь взял лежавшую рядом ленточку и аккуратно собрал волосы в хвост.

Тёплая ладонь наставника Сюаньчэня случайно коснулась щеки юного господина-соленой рыбки. В том месте, где его коснулись, Сюй Яньцин почувствовал странное, но приятное покалывание — и невольно потёр щёку рукой.

Когда волосы были убраны, молодой господин лениво развалился на кровати и снова машинально потянулся почесать живот.

— В последнее время я правда не так хочу спать, как раньше.

На этот раз Инь Яньцзюнь действительно увидел, как тот чешет живот, и мягко удержал его руку:

— Живот чешется? Поэтому ты всё время его трогаешь?

Сюй Яньцин опустил взгляд и действительно увидел свою руку на слегка выпуклом животе. В этот момент он и вправду почувствовал лёгкий зуд, но наставник держал его за руку, и почесать было невозможно.

Поэтому юный господин послушно сказал:

— Кажется, немного чешется. Но совсем чуть-чуть. Иногда чувствуется, иногда нет.

Инь Яньцзюнь слегка нахмурился и отпустил его руку. Его ресницы едва заметно дрогнули, прежде чем он медленно произнёс:

— Можно мне взглянуть на живот молодого господина?

Слова прозвучали довольно внезапно, и Сюй Яньцин не сразу понял, к чему это. Но тут он заметил, как уши даосского наставника Сюаньчэня чуть покраснели, и только тогда понял, о чём идёт речь. Щёки его тут же залились лёгким жаром.

Сюй Яньцин опустил взгляд на живот. Лёгкая выпуклость выглядела не слишком привлекательно. Даже обычно бесстыдный юный господин-соленая рыбка не захотел показывать своё ни мужское, ни женское тело подобному бессмертному, как наставник Сюаньчэнь. Это было не стеснение, а какое-то странное чувство неловкости.

Однако взгляд даосского наставника был исключительно чистым, без малейшего намёка на что-то постороннее. Он всего лишь искренне беспокоился о его состоянии. А тут ещё и зуд дал о себе знать снова. Сюй Яньцин лёг на кровать и покорно кивнул.

Уши Инь Яньцзюня тоже слегка разгорелись, а на его обычно строгом и холодном лице появилось выражение полной сосредоточенности. В душе же он чувствовал замешательство и неловкость. В его возрасте подобные чувства и правда трудно признаться даже самому себе.

Его тонкие и чёткие пальцы коснулись мягкой, чистой ночной рубашки юного господина, медленно приподняли её, обнажив необычный живот.

Сердце Инь Яньцзюня вдруг забилось чаще. Словно под влиянием наваждения, он коснулся рукой живота. Тот чуть вздрогнул — зашевелилась маленькая фасолинка внутри.

— Щекотно... — Нежное, округлое лицо юного господина слегка порозовело. Только тогда Инь Яньцзюнь наконец пришёл в себя и внимательно осмотрел живот. Гладкая кожа, слегка выпирающая, была чиста и светла, но на ней отчётливо виднелись тонкие, чуть белёсые линии. Их было немного, но на фоне нефритовой кожи они бросались в глаза.

Инь Яньцзюнь осторожно провёл по ним рукой. Линии не исчезли. Он мягко успокоил юного господина:

— У тебя появились тонкие полоски. Я попрошу молодого лекаря Ци взглянуть.

— Полоски? — Сюй Яньцин моргнул. Он догадался, что это, должно быть, растяжки. Хотя он был мужчиной, но такое элементарное знание у него имелось. А вот даосский наставник Сюаньчэнь, несмотря на свои годы, смотрел с одной лишь тревогой, не понимая.

Так что ленивый юный господин снова потянулся почесать живот. Под обеспокоенным взглядом наставника он натянул рубашку обратно, прикрывая живот, и поднял глаза:

— Наставник, когда вы были юным и росли, у вас не появлялись такие растяжки на ногах?

Инь Яньцзюнь слегка удивился, не понимая, к чему юный господин вдруг задал такой вопрос, но всё же ответил:

— Не припоминаю.

Юный господин улыбнулся:

— На самом деле это просто полоски, которые появляются, когда тело растёт. Живот ведь не бесконечный, а внутри него подрастает маленькая фасолинка. Кожа растягивается — и появляются эти полоски. Наставник, вы можете сказать об этом А Чэну — возможно, у него уже есть мазь.

— Хорошо, — кивнул Инь Яньцзюнь, снял с кровати тонкое одеяло, накрыл юного господина и быстро вышел из комнаты.

Сюй Яньцин лежал на спине, словно солёная рыбка, уставившись в полог над кроватью. Потом внезапно перевернулся на бок — жар на лице так и не спал. Это было и правда слишком неловко.

За дверью Инь Яньцзюнь невольно выдохнул пару раз, поднял руку и потер ухо, а затем постучал в дверь Ци Чэня и подробно описал ему состояние юного господина.

Ци Чэнь кивнул:

— У беременных женщин такие полоски появляются на определённой стадии беременности. Но юный господин — мужчина, поэтому его случай особый, и полоски начали проявляться раньше. У меня как раз есть заранее приготовленная мазь с лёгким ароматом. Пусть даосский наставник наносит её после каждого купания юного господина, а сам юный господин — утром. Если мазать несколько раз в день, зуд на животе пройдёт.

Инь Яньцзюнь нахмурился:

— Эти полоски можно убрать? — Дело было не в красоте. Главное — то, что юный господин, будучи мужчиной, вдруг обзавёлся этими женскими отметинами. Он боялся, что тот будет чувствовать отвращение каждый раз, когда увидит их на своём животе.

Ци Чэнь поднял бровь и, передавая флакончик с мазью даосскому наставнику Сюаньчэню, нарочито поддел:

— Наставник, вы что, хотите сказать, что вам не нравятся полоски на животе юного господина?

Холодный и властный взгляд Инь Яньцзюня упал на Ци Чэня, когда он взял флакончик. У Ци Чэня мгновенно по спине пробежал холодок, и он инстинктивно замолк, не решаясь больше произносить глупости в присутствии даосского наставника.

Инь Яньцзюнь развернулся с каменным лицом и вернулся в комнату юного господина. Тот, пролежав в кровати весь день, так толком и не уснул. Днём он немного подремал, а потом проснулся. Дождавшись возвращения наставника, он попросту свернулся клубочком и задремал.

Юный господин всё ещё лежал чуть сжато, казался немного жалким. Инь Яньцзюнь подошёл и сел у кровати. Двигался он не особенно тихо, но спавший юный господин не подал и вида, что собирается просыпаться.

Инь Яньцзюнь вздохнул с лёгкой досадой. Он немного помедлил, и, увидев, как юный господин во сне опять машинально тянется почесать живот, осторожно откинул одеяло, слегка выпрямил его тело и уложил на спину.

Сюй Яньцин бессознательно дёрнул ногой. В нос ударил знакомый запах. Он едва заметно приоткрыл глаза, тихонько вдохнул, затем снова отвернулся и продолжил спать.

Рука Инь Яньцзюня на мгновение застыла в воздухе. Дождавшись, когда сон юного господина станет глубже, он с лёгким волнением приподнял подол его ночной рубашки.

Мазь, приготовленная Ци Чэнем, содержала только целебные травы, без всяких добавок, и потому имела слабый, но приятный травяной аромат. Инь Яньцзюнь выдавил немного на ладонь, растёр до тёплого состояния, затем осторожно начал наносить на живот юного господина.

Движения его были предельно мягкими, и спящий Сюй Яньцин не почувствовал никакого дискомфорта — только как лёгкий зуд сменился приятным теплом.

Это ощущение было куда лучше, чем мучительный зуд, который нельзя было унять даже расчесыванием. Во сне юный господин протянул руку и положил её на ладонь наставника Сюаньчэня, будто желая, чтобы это тёплое прикосновение задержалось на животе подольше.

Инь Яньцзюню показалось, что юный господин проснулся. Он невольно почувствовал себя неловко, посмотрел на него — и увидел, что тот лишь бессознательно тёрся о подушку, не просыпаясь на самом деле.

Мысли наставника были немного спутанны. Он бережно убрал руку юного господина, снова взял мазь, растёр в ладонях и вновь принялся аккуратно втирать её в его живот.

Когда мазь была нанесена, Инь Яньцзюнь глубоко выдохнул, опустил рубашку, прикрывая живот, затем накрыл юного господина одеялом. Он ещё долго сидел у постели, и, только убедившись, что тот больше не тянется к животу, наконец покинул комнату с лёгким сердцем.

Вернувшись в свои покои, Инь Яньцзюнь сел за стол, взял кисть и тушь, чтобы, как обычно, переписывать сутры. Но на этот раз он снова и снова откладывал кисть, и даже спустя долгое время так и не закончил ни одной строки.

Мысли его были беспокойны, и не имело смысла продолжать. Инь Яньцзюнь вздохнул, отложил кисть и чернильницу. Это был всего лишь второй раз за многие годы, когда он не смог сосредоточиться и дописать сутры. Впервые это случилось в ту ночь, когда он, отравленный ядом, прижал к земле юного господина, случайно забредшего в его комнату. И вот теперь — снова.

Его привычное спокойствие и сдержанность больше не могли удержать ровную внешность. Инь Яньцзюнь сидел прямо за письменным столом, молча погружённый в мысли, а в голове у него царил полный сумбур.

В конце концов он горько усмехнулся. Сколько бы лет ни прошло, сколько бы он ни видел в этой жизни, а всё равно — не смог устоять, всё равно влюбился в юного господина с головой.

—

А в это время ленивый юный господин спал в кровати особенно сладко и не ведал о волнениях, бушевавших в сердце даосского наставника Сюаньчэня.

Проснувшись на следующее утро, он лениво поднялся с кровати. Повернув голову, увидел у подушки незнакомую баночку с лекарством. Он взял её, открыл крышку и понюхал. Мазь имела едва уловимый травяной запах — не резкий, а даже приятный.

— Молодой господин, вы проснулись? — Му Ю вошёл с тазом воды в руках. Теперь, когда беременность юного господина продвигалась дальше, Му Ю больше не позволял ему мыться у бадьи, опасаясь, что тот поскользнётся и случится беда.

Увидев в руках юного господина баночку, Му Ю подошёл ближе:

— Эту мазь, должно быть, прислал молодой лекарь Ци. Он велел растирать её в ладонях до тепла и втирать в живот — чтобы снять зуд.

В баночке уже явно не хватало мази. Сюй Яньцин внезапно вспомнил, что произошло прошлой ночью перед тем, как он уснул, и его лицо тут же залилось жаром.

Значит, это тёплое ощущение на животе во сне... было от того, что даосский наставник Сюаньчэнь мазал ему мазь?

Соленую рыбку вот-вот можно было зажаривать от стыда!

Чувствуя головокружение, он позволил Му Ю помочь с умыванием. Ленивый юный господин больше всего хотел просто завалиться в комнате и никуда не выходить. Он совершенно точно не хотел видеть эту баночку с мазью.

Но когда Му Ю выносил таз, он не забыл напомнить:

— Молодой господин, лекарь Ци велел непременно мазать живот утром и вечером. Если вы станете лениться — он кого-нибудь приставит, чтобы мазали за вас.

Юный господин-соленая рыбка, которого только что вольно или невольно подразнил Ци Чэнь, откинулся на спинку кресла и махнул Му Ю рукой. Потом уставился на мазь, погружённый в раздумья. В этот момент он не хотел делать ничего — только спокойно полежать.

Убедившись, что его слова были услышаны, Му Ю с чистой совестью вышел, закрыв за собой дверь.

Соленая рыбка полежала так ещё немного, потом нахмурилась, открыла баночку, выдавила немного мази, растёрла её в ладонях до тёплого состояния и осторожно втерла в слегка выпирающий живот. Но самому себе мазать было совсем не то, что когда кто-то делает это за тебя. Соленая рыбка невольно вздохнула с какой-то странной грустью.

Как и следовало ожидать, хмурая солёная рыбка даже не вышла завтракать. Му Ю принёс ему поднос из лакированного дерева. Завтрак был простым: у тёти Ли из семьи случились неотложные дела, она сегодня взяла отгул, поэтому готовила тётя Чжао — сварила немного каши и подала к ней вчерашние паровые булочки.

Кроме того, завтрак юного господина включал пухлую булочку в виде куклы на счастье и тарелку яичницы с зелёным перцем. Щёчки у куклы были украшены двумя алыми точками, что делало её очень милой.

Сюй Яньцин с недовольством схватил булочку на счастье и откусил ей ухо вместе с поданными яйцами с перцем. Почувствовав неясную неловкость, он быстро доел всю куклу целиком.

Наконец, набив живот, он устроился в кресле и уставился в раскрытую книгу. Но прошла уже уйма времени, а он так и не перевернул ни одной страницы — мысли его были где-то далеко.

Лишь когда снаружи поднялась какая-то суета, и кто-то стал звать его по имени, молодой господин-соленая рыбка, прикрывавший лицо книгой, наконец очнулся от задумчивости и медленно вышел за дверь.

— Сюда можно? Ровно висит? — спросил Сюй Чуань, прижимая к стене большой красный иероглиф “卍” (двойное счастье), а затем обернулся к остальным за подтверждением.

А Нин побежал к двери Сюй Яньцина и постучал. В этот момент Сюй Яньцин как раз медленно открыл дверь.

Увидев у входа кучу мужчин, развешивающих парные надписи, Сюй Яньцин заморгал, потом опустил взгляд на пухлого ребёнка перед собой:

— Что это твой отец и остальные делают?

А Нин честно ответил:

— Наклеивают парные надписи!

Молодой господин-соленая рыбка закатил глаза к небу, не зная, смеяться или плакать:

— Я и сам вижу, что клеят. Но ведь сейчас ни Новый год, ни какой-нибудь праздник. С чего вдруг?

Да и вообще — каждый дом сам клеит свои надписи, с чего бы вдруг это делали чужими руками?

Пухлая ладошка А Нина долго рылась в кармане, прежде чем извлекла два кусочка солодовой карамели. Один он тут же отправил себе в рот, а второй протянул своему маленькому дяде, пробормотав:

— Дядя Линцзы женится на тётушке, вот и раздают конфеты, а ещё клеят красные надписи.

Юный господин без церемоний взял у А Нина конфету и тоже закинул в рот. Надо признать, древняя карамель безо всяких консервантов действительно была вкусной.

После долгих размышлений Сюй Яньцин наконец вспомнил, кто такой «дядя Линцзы». Сюй Лин был кузеном Сюя Чуань — у них был общий дед. Когда он только прибыл в деревню семьи Сюй, краем уха слышал, что брак Сюя Лина обсуждается. Не ожидал, что свадьба состоится так скоро.

Сюй Чуань, наклеив два больших красных иероглифа «□», выглядел очень довольным. Подняв голову, он увидел юного господина и сына, сидящих во дворе — один большой, другой маленький — оба с надутыми щёками, смотрелись на редкость мило.

Он тут же бодро подошёл, вытащил из кармана горсть солодовых конфет и выложил их на стол:

— Завтра Линцзы женится. А Цин, приходи обязательно. Я устрою для тебя тихое местечко.

Семья старосты деревни, включая тётушку Ли, которая помогала на кухне, ничего не знали о беременности Сюя Яньцина. Они лишь полагали, что юный господин приехал подлечиться. В такой радостный день они, разумеется, не могли не пригласить его на праздник.

Услышав шум во дворе, Инь Яньцзюнь отложил наполовину прочитанный мемориал и поднялся, чтобы выйти наружу.

Инь Яньцзюнь жил во дворе уже больше двух месяцев. За это время Сюй Чуань в одностороннем порядке решил, что с этим чистым и прямодушным даосским наставником он прекрасно знаком, и потому тоже пригласил Иня Яньцзюня на завтрашний свадебный банкет.

Инь Яньцзюнь безмолвно взглянул на стоящего рядом юного господина и мягко кивнул:

— Завтра непременно приду.

Юный господин, как родственник жениха и человек, о котором заботится семья деревенского старосты, разумеется, должен был присутствовать на свадьбе. Это немного тревожило Иня Яньцзюня. На празднике будет слишком многолюдно и шумно — он боялся, что юного господина случайно заденут. Лучше уж сопровождать его лично.

Но мозг солёной рыбки не позволял лишним эмоциям задерживаться слишком надолго, и потому в следующий миг юный господин уже вернулся к своему обычному нахальному состоянию. Он кивнул Сюй Чуаню:

— Ладно, завтра я с наставником прибуду и доверюсь брату Чуань — позаботьтесь о нас.

Сюй Чуань с искренней улыбкой почесал затылок. Долго он рядом не задержался — нужно было ещё развешивать иероглифы по другим дворам. Он оставил А Нина с младшим дядей и поспешно ушёл вместе с остальными.

За последнее время А Нин часто приходил играть к своему маленькому дяде и понемногу привык к наставнику Сюаньчэню. Всё потому, что как ребёнок, у которого плохо шли учёба и книжки, он невольно восхищался образованными старшими. А даосский наставник Сюаньчэнь выглядел особенно внушительно — по крайней мере, в глазах А Нина он был куда могущественнее многих его дядек.

Так что в играх он цеплялся за дядю, а за уроками — за наставника Сюаньчэня. Причём наставник был гораздо терпеливее дяди: если не был занят, то почти всегда с готовностью помогал пухленькому ребёнку с учёбой.

Соленая рыбка же была совсем другим типом. Её жизненная мечта — это счастливо валяться трупиком. Старательность — редкое исключение, так что в большинстве случаев он просто разваливался в кресле и спал, предоставляя А Нину развлекаться самому.

Несмотря на это, А Нин всё равно очень любил своего маленького дядю. Даже если тот постоянно дразнил его, А Нин великодушно хлопал себя в грудь и гордо заявлял, что он мужчина и с дядей ссориться не станет.

Сюй Яньцин поднял руку и подтолкнул пухлого ребёнка поближе к даосскому наставнику:

— Иди, играй с наставником, не мешай мне, — протянул он лениво, направляясь к виноградной беседке и устраиваясь там. Он ведь ещё не дочитал свою книжку!

Соленая рыбка совершенно открыто достала из-под стола книгу. Он придумал отличный способ читать книжки для взрослых: просто поменять название.

Для солёной рыбки потратить столько умственной энергии — редкость, так что за этим явно стояла сила влияния наставника Сюаньчэня. Даосский наставник обладал чистой, спокойной и почти неземной аурой — при одном взгляде на него хотелось почтительно склонить голову. Как тут, скажите на милость, можно было бессовестно читать книги с рейтингом 18+ в его присутствии? Оставалось только тайком переименовать их.

Инь Яньцзюнь поднял глаза и посмотрел на книгу в руках у юного господина. На обложке значилось: «Руководство по расследованиям в храме Да-ли». Он как-то читал эту книгу раньше — в ней и правда были любопытные дела. Однако, глядя на воодушевлённое выражение лица юного господина, он сразу понял: здесь что-то нечисто. Но лишь сдержанно усмехнулся — и не собирался разоблачать хитрость юного господина.

Как раз в этот момент у него выдалась свободная минутка — возвращаться к мемориалам в комнате было не нужно — и он усадил перед собой послушного, понятливого пухлого ребёнка, чтобы немного его поспрашивать.

Пухляш отвечал с серьёзным видом, а затем начал трясти головой, повторяя наизусть недавно выученное сочинение. Вероятно, потому что выучил его совсем недавно, дома он мог продекламировать его без запинки. Но стоило встать перед наставником, как он с трудом выдал первую строчку — а дальше хоть убей, ничего вспомнить не мог. Щёки у него тут же вспыхнули от волнения.

Инь Яньцзюнь едва заметно подсказал, и пухлый ученик сразу оживился, снова закивал головой и продолжил.

Когда сочинение наконец подошло к концу, пухлый ребёнок застыл перед даосским наставником Сюаньчэнем — чуть напряжённый, но с искоркой ожидания — и ждал оценки.

Инь Яньцзюнь произнёс без особых эмоций:

— Книги открывают разум, но если ты просто зубришь и не понимаешь смысла, неудивительно, что забываешь, что дальше.

Услышав голос наставника Сюаньчэня, юный господин, уютно устроившийся в кресле, поспешно прикрыл лицо книжкой, но при этом одним глазом подглядывал в сторону.

На красивом и благородном лице наставника читалась лёгкая серьёзность, но голос его оставался мягким и ясным, терпеливо указывая на ошибки пухлого ученика. Вид у него при этом был такой, что Сюй Яньцину невольно захотелось причмокнуть. Вот станет наставник отцом — точно будет тем самым добрым, но строгим папой, который есть только в книжках.

А Нин слушал со всем вниманием. Учителя в деревенской школе заставляли лишь бездумно заучивать наизусть, не утруждая себя объяснениями. А даосский наставник Сюаньчэнь был другим: он терпеливо разбирал каждое предложение, придавая смысл словам. От этого пухлый, любознательный А Нин не раз испытывал настоящее озарение.

Однако сейчас А Нин ещё не знал, кем на самом деле был тот, кто объяснял ему сочинения. В столице немало учёных мечтали получить хотя бы одно слово наставления от этого человека.

Лишь много лет спустя, когда А Нин уехал в столицу продолжать учёбу, он понял, каким редким везением было его детство. И всё это счастье пришло к нему благодаря его любимому маленькому дяде.

На следующее утро Сюй Яньцина разбудили звуки барабанов и гонгов. Сегодня была свадьба Сюя Лина, и специально по этому случаю из уездного города пригласили оперную труппу. Весёлые мелодии разносились по всей деревне.

На кухне всё закипело с раннего утра, и ароматы праздничной стряпни заполнили окрестности.

Сюй Яньцин, потеряв надежду поспать, со вздохом встал с постели. Последние несколько дней он плохо спал днём, так что ночью вырубался без задних ног. Сегодня, впрочем, проснулся отдохнувшим и бодрым.

Юный господин открыл дверь и лениво вышел во двор. За ним шаг в шаг следовал Му Юй — неотступной тенью, тревожась, как бы господин не поскользнулся.

Побродив немного, Сюй Яньцин всерьёз заскучал. Он повернул голову, глянул в сторону комнаты даосского наставника — и тут же загорелся интересом, направившись туда.

По правде говоря, наставник жил здесь уже больше двух месяцев, а «хозяин» так до сих пор и не побывал у него в комнате. Зато сам наставник чуть ли не каждый день сидел в его покоях. Чем больше он об этом думал, тем сильнее ощущал, что это какое-то вопиющее неравенство.

И потому Сюй Яньцин без стеснения протянул руку и толкнул дверь в комнату даосского наставника Сюаньчэня.

<http://bllate.org/book/12638/1120945>